

ДУХОВНЫЙ ФРОНТ

Одновременно с расширением своей программы, «Новый Град» дѣлает опыт и нѣкоторой жизненной ея актуализации. Развиваемыя в журналѣ идеи нуждаются в повѣркѣ, в дружеской и компетентной критикѣ. Болѣе того, чтобы быть плодотворными, онѣ должны рождаться не из потребности в философской систематикѣ, а из опыта творчества. Одним из важнѣйших видов этого творчества, одним из отвѣтственнѣйших участков «духовнаго фронта» является искусство — в искусствѣ — поэзія. Парижскій отдѣл редакціи «Новаго Града» сдѣлал опыт образованія кружка, гдѣ сотрудники «Новаго Града» встрѣчались бы с молодыми поэтами и прозаиками эмиграціи. Впрочем, «Новому Граду» принадлежит лишь почин этих встрѣч, которыя носят названіе «Круга». Писатели-художники в нем далеко преобладают над «общественниками» из нашего журнала. Своеобразіе этих собраний не только в их составѣ, но и в их замкнутости. И то и другое создает особо благоприятныя условія для свободы и содержательности бесѣд. Очень краткіе отчеты о собраниях «Круга» мы будем печатать в нашем журналѣ, отмѣчая лишь главнѣйшія точки зрѣнія, а не самыя рѣчи и не упоминая даже имен, в чем заранѣе просим прощенія у авторов.

Бесѣда первая, 21 октября 1935 г.

Присутствовали: Г. Адамович, А. Алферов, И. Бунаков, В. Баршевскій, В. Вейдле, Г. Гершенкройин, Б. Дикой, Г. Иванов, Л. Кельберин, Д. Кнут, мон. Марія (Скобцова), В. Мамченко, К. Мочульскій, Г. Раевскій, С. Савельев, Л. Савинков, Ю. Софіев, Ю. Терапіано, Г. Федотов, Н. Фельзен, Л. Червинская, С. Шаршун, В. Яновскій.

Вступленіем к бесѣдѣ послужили мысли Г. П. Федотова о судьбах искусства 19-го вѣка, изложенныя им в статьѣ: «Борьба за искусство», напечатанной в настоящей книгѣ «Новаго Града».

Утвержденія Г. П. Федотова казались неприемлемыми для нѣкоторых участников бесѣды в трех направленіях: искусство несоизмѣримо с религіей, как средством своего спасенія; мыслимо и исторически доказано существованіе безрелигіознаго искусства; явные признаки омертвѣнія искусства в наши дни не являются еще свидѣтельством его окончательной гибели: при вулканическом темпѣ измѣненій вишняго міра и внутренняго преображенія чловѣка, современный упадок может оказаться коротким интервалом перед новым цвѣтеніем.

Доводы возражавших сводились к слѣдующему:

Порочна самая постановка вопроса. — Религія для вѣрующаго настолько всеобъемлюща и настолько мѣняет всѣ оцѣнки жизни и самую жизнь, что предлагать ее, как средство оживленія искусства,

значит приижать понятие религии. Если человечеству суждено новое воскресение под влиянием религиозного сознания, то искусство может в нем раствориться, как частность, даже, быть может, совершенно исчезнуть без ущерба для вѣрующих. С религиозной точки зрѣнія, нестерпимо сводить религію к трамплину для подлиннаго художественнаго творчества. Человѣкъ, преображенный вѣрой, может быть хорошим поэтом, но стучаться в дверь храма, имѣя корыстную цѣль стать поэтом — невозможно...

Исторія не знает абсолютно религиознаго искусства, как невѣдомой ей и религиозное сознание, воплощенное в чистом видѣ в высших проявлениях искусства. Искусство не может вѣнчать зло: при попытках служить чистому злу искусство отмирает. Таковы таинственные законы творчества живой души. Приписывать же этическое начало в искусствѣ только христіанству — несправедливо. Эти начала ясны уже у Гомера и даже у его предшественников. Искусство Пушкина безрелигиозно и вмѣстѣ с тѣм исполнено исканія добра. Безрелигиозно в значительной своей части и все искусство 19-го вѣка. И тѣм не менѣе никогда искусству не была так близка тема справедливости, как именно в 19-ом вѣкѣ...

Последнее цѣлованіе воздают здѣсь искусству и могильной перстью посыпают его. Но отдать смерти разрѣшается лишь труп с явными признаками глѣбня. Доказано ли, что силы жизни окончательно заглушены в искусствѣ силами распада? Часть нашего поколѣнія приобрѣла дурную привычку фамиллярничать со смертью. Ее сдѣлали модной. Она бродит по всѣм перекресткам и заглядывает во всѣ окна. Не рано ли отдавать ей и все искусство? Мир на наших глазах сказочно мѣняется. Во вступительном словѣ отмѣчен неслыханный темп смѣны теченій в искусствѣ. При таком темпѣ есть опасность принять старгю за смерть. Искусство боляѣт ущербом человѣчности, утратой ощущенія цѣлостности міра, угасаніем стиля. Но потребность в искусствѣ ощутили теперь десятки миллионов людей, которые раньше не подозрѣвали даже о его существованіи. Соціальныя катастрофы оторвали алчущих от чистаго искусства и вынудили их питаться утилитарными суррогатами, безконечно далекими от подлиннаго искусства. Но тѣм самым новые люди отошли от соприкосновенія с сумеречным искусством наших дней. У кого же **безспорныя доказательства**, что этим новым людям навсегда заказана **потребность в искусствѣ живых**? Что в их инстинктивной тягѣ к **искусству классическому** не таится обѣтованіе новаго мощнаго **расцвѣта**? Что именно они не подберут цѣль искусства с того его звена, котораго еще не коснулась развѣдающая рважчина?..

Автор вступительнаго слова и лица, его поддерживавшіе, предостерегали от русскаго максиматизма, граничащаго с нигилизмом и сказавшагося в утвержденіи, что религія несоизмѣрима с искусством

и в нем не заинтересована. Безрелигиозность 19-го вѣка лишь кажущаяся: весь он питается теплом предыдущих вѣков христианства. Пушкин религиозно, может-быть, нейтрален, но все его мироощущение сложилось в средѣ, насыщенной пропитанной христианской этикой. Религиозность русской интеллигенции 19-го вѣка была своеобразным безпоповством, но ей присущи все атрибуты вѣры, страстной и экзальтированной. Русский гуманизм 19-го вѣка есть несоимѣнная разновидность христианской ереси...

Беседа вторая, 4 ноября 1935 г.

Присутствовали: Г. Адамович, А. Алферов, И. Бунаков, В. Варшавский, В. Вейдце, Г. Гершенкройн, Г. Иванов, Д. Кнут, А. Ладинский, мон. Марія (Скобцова), В. Мамченко, Г. Раевский, Ю. Терапиано, Г. Федотов, Н. Фельзен, Л. Червинская, В. Яновский.

Мон. Марія сдѣлала введение на тему: Основные тенденции русской религиозной мысли.

Каждому народу дается свой особый дар, свое видѣние Бога. И на протяжении вѣков отдельные представители его мысли в известной внутренней послѣдовательности раскрывают то, что заложено в народном мироощущении.

Если мы пожелаем найти эту основную тенденцию русской религиозной мысли, то нам придется обратиться к самым истокам ея, к тому, что традиционно воспринималось, как вѣковая не очень удачная религиозная публицистика. Я говорю об учении о Москвѣ — третьем Римѣ. Если подойти к этому учению в свѣтъ всех высказываний позднѣйшаго времени, то оно представляется вѣковой основной задачей русской религиозной мысли. Тут впервые был поставлен вопрос о религиозном оправданіи міра, о религиозном смыслѣ мірскаго дѣлания. И потом через пустыню 17-го и 18-го в.в. эта же тема заново зазвучала в первом самостоятельном вѣкѣ русской мысли — в 19-ом вѣкѣ. Учение Хомякова о соборности особенно интересно именно в этом смыслѣ. Его основная тенденция — понять и увидѣть Божій замысел о мірѣ, почувствовать в мірѣ Божіе присутствие. Он проэктирует священность церковнаго соборнаго организма на все сферы человѣческой жизни. Такова же основная тенденция Достоевскаго, особенно ярко выраженная в его вѣрѣ в богоносность, т.е. религиозную оправданность и освященность народной души. Может-быть, наиболее ярко выраженным представителем такого особо русскаго національнаго софійнаго подхода к міру является Владимир Соловьев. Вся его философія сконцентрирована в двух словах: всединство и Богочеловѣчество. Для него мировой процесс, так же как и историческій, является раскрытіем Божественнаго плана о мірѣ и приобщеніем міра к Божественному началу. Любопытно, что с этой основной точки зрѣнія приобретают особый смысл даже

эстетическія высказыванія русских символистов. Именно в их специфической причастности русской основной идеѣ вся их разница с западными символистами. Для них центральна идея Первосимвола, к которой приближаются символы искусства. Другими словами, Божественная первооснова міра опредѣляет собою всѣ тварныя быванія. И тут их теорія перестает быть только теоріей художественнаго творчества, а становится в цѣль со всѣми раскрытіями русскаго религиознаго міросозерцанія.

Можно, конечно, возразить, что, помимо таких софіански настроенных мыслителей, русская философія знала и противоположныя настроенія. Достаточно вспомнить отношеніе к христіанству Розанова, который не мог примирить радостей міра со скорбным ликом Христовым. Любопытно, что то, что вызывало в Розановѣ страх перед христіанством, является одновременно основным в настроеніях цѣлаго ряда церковных энтузіастов, даже іерархов. Розановским пониманіем христіанства, напримѣр, вызвано рѣзкое осужденіе ученія о Софій отца С. Булгакова со стороны митрополита Сергія. Тут крайности сходятся. Но каковы бы они ни были, основная традиція русской религиозной мысли ведет нас к религиозному оправданію міра.

В преніях подвергалась критикѣ прежде всего историческая схема матери Маріи. Указывалось, что она опустила кенотическій момент, прежде всего характеризующій русскую религиозную мысль. Ея линія русских писателей скорѣе византийская, хотя она отталкивается от Византии. Русская мысль скорѣе музыкальная, чѣм конструктивная, «сводящая концы с концами». Непонятно исключеніе из основного русла ея Толстого и Розанова. Защита Розанова окрасила собой всю бесѣду. Указывалось на присутствіе в Розановѣ христіанских начал: и смиренной любви и пасхальной радости. Скорбный лик Христа, который он видѣл, не устраним из христіанства. За Розановым стоит Евангеліе («его страшный союзник»), оно переопредѣляет всѣ высокія теоріи.

Очень сильно звучала «евангельская» нота. «Человѣкъ стоит сейчас перед Евангеліем, а не перед историческим христіанством». В сѣть Евангелія культура испепеляется. «Культура и развивается, может-быть, потому, что человѣкъ не принялъ Царствія Божія». Раздался голос, противопоставившій умному богословію греков и русских мыслителей подвиг молчанія в пустынь — «Добротолубіе», как основу религиознаго дѣланія. Но обозначилось и третье религиозное утвержденіе, не совпадающее с построеніем докладчицы. Нѣсколько голосов поддерживали Н. Э. Федорова, противопоставляя социальную активность новаго 20-го вѣка настроеніям 19-го, которыя господствовали в соораніи. Прозвучал даже голос, подчеркивающій техническій и «человѣкобожескій» мотив в ученіи Федорова. Другіе защитники Федорова указывали, что техническое у него подчинено

любви. «Техника деталь и пошлость». Сама смерть, по Федорову, происходит от недостатка любви. Впрочем, идея воскрешения мертвых сочувствия в собрании не встретила.

Докладчица, защищаясь в репликах, очень поддерживала укорененность религиозной культуры в христианской радости. Все ничто, потому что есть радость — Христос. Культура начинается с воздыхания рая. В культуре все спорно, но чистое золото уцвлевает. В Царствии Божием останется творческая устремленность.

Бесѣда третья, 18 ноября 1935 г.

Присутствовали: Г. Адамович, Н. Бердяев, И. Бунаков, В. Варшавский, В. Вейдле, Г. Гершенкройн, Б. Дикой, Г. Иванов, Л. Кельберн, Д. Кнут, А. Ладинский, В. Мамченко, Ю. Мандельштам, мон. Марія (Скобцова), К. Мочульский, Г. Раевский, С. Савельев, Ю. Софиев, Ю. Терапиано, Г. Федотов, Н. Фельзен, В. Яновский.

Введением к третьей бесѣдѣ служила напечатанная в настоящем номерѣ статья Ф. А. Степуна: «Пореволюционное сознание и задачи эмигрантской литературы».

Несогласие присутствующих с предпосылками статьи сводилось к слѣдующему:

Невѣрен основной замысел, — соотношение между міросозерцанием и художественным творчеством лишено характера соподчинения. Вѣчная проблема автономности искусства вряд ли когда-нибудь будет разрѣшена. Несомнѣнно лишь одно: художественное творчество связано с душевной цѣлостностью человѣка, но оно не укладывается в грани міровоззрѣнія. А. Чехов имѣл позитивное міровоззрѣніе с весьма ограниченными рамками — насколько выше, однако, его художественное творчество, и как мало по существу связано оно с его высказываниями о назначении человѣка. Художественное творчество Л. Толстого неизмѣримо сложнее и глубже поставленных им себѣ задач. Поэтическое произведение не может не носить отпечатка культуры своей эпохи; связано оно и с проблемами, занимающими автора, но о субординации творчества нельзя говорить, а тѣм болѣе ставить литературу какія бы то ни было «задачи». Скрытыя цѣли искусства открывают впоследствии его историки; самому же творцу в момент созидания онѣ невѣдомы и ни в коем случаѣ не могут ему быть поставлены извнѣ. Указание путей для искусства губительно, подлинно высокое искусство влечется к вѣчному. Если послѣдовать совѣту Ф. А. Степуна, можно будет создать нѣсколько нарочито умных и благонамѣренных повѣстей или безкрылых стихотворений, но вряд ли он сам этого желал бы. Наличие цѣлостнаго міровоззрѣнія не означает еще внутренней цѣлостности и обогащения человеческой души.

Отрицательныя характеристики современной литературы у Ф. А.

Степуна вѣрны и блестящи, но его выводы уступают в значительно-сти и глубинѣ тонкому анализу первой части статьи. Молодая литература в эмиграции неблагополучна, но вряд ли спасет ее память о вѣчном ликѣ Россіи, да и откуда взяться этой памяти у людей, с ранняго дѣтства находящихся на чужбинѣ? По книгам и рассказам старших?.. Этого достаточно, быть может, для вѣшняго познанія невиданной и невѣдомой родины, но такое познаніе бессильно создать внутренней стимула для творчества.

Что такое эмиграція?.. Даже негативным признаком отрицанія большевизма ее нельзя всю объединить. У многих уже очень давно создалось ощущеніе, что эмиграціи нѣтъ. Тѣ, кто постоянно возвращается в ее массѣ, приходят иногда к выводу, что перед ними гигантская больница для замученных, невѣроятно усталых, покрытых душевными язвами людей. Один путь самоутвержденія остался для этих людей — путь религиознаго дерзновенія. Только на этом пути эмиграція может еще много дать родинѣ и міру.

Сущностью всякой эмиграціи, оправдывавшей самоѳ ее наличие, всегда была политическая или социальная устремленность. Многие из молодых писателей ради этого подошли к воротам строящагося «новаго града». Назначеніем всѣх эмиграцій была переоцѣнка прошлаго и идейное строительство. Идеями французской эмиграціи, и именно тѣми, которыя не были идеями оглоленной реакціи или реституціи, жила Франція в теченіе полувѣка послѣ революціи. Не дома, а на чужбинѣ ковалось будущее польскаго народа.

Назначеніе русской эмиграціи еще существеннѣе. Ей достаточно оставаться собой, быть вѣрной только себѣ, чтобы создать великую литературу. Не надо бояться этого слова. Тѣ исключительныя условія, в которыя попала эмиграція русская, и та исключительная эпоха, в которую ей суждено сгорать, ставят перед ней задачи особаго масштаба. Не слѣдует преуказывать выбора тем. Молодая эмигрантская литература вовсе не должна писать только о Россіи и русских, чтобы оставаться русской эмиграціей, в высоком и специфическом значеніи этого слова. Художественное творчество перерастает географическія границы. Россіи нужны сейчас люди внѣ доктрины, достаточно смѣлые, чтобы выявить самих себя. Не слѣдует также огульно отрицать міровоззрѣческой заказ. Міровоззрѣніе есть биологическая необходимость; есть писатели, которым этот граммлин нужен для творчества, но как спасасящій, для всѣх годный рецепт — леченіе Ф. Степуна не пригодно.

Выход к челозѣку, от «я» к «ты», возможен и внѣ гражданственности и социальнаго служенія. Эмигрантская литература должна дать то, чѣм не может заниматься литература в Россіи — проблему челозѣчности. Вѣдь, величайшіе русскіе художники стояли внѣ героической борьбы, социальной и политической, которую вела рус-

ская интеллигенція. Они спускались в низины обывательскаго существованія, занимались Акакіями Акакіевичами и «бѣдными людьми», и, там коснувшись вѣчности, возвращались иногда с пророческим зовом. Дѣйствительно ли наша эпоха требует прежде всего участія в социальном строительствѣ от художника?..

Эмигрантскому писателю не дано то, что имѣет писатель на родинѣ. Не слѣдует гоняться за недоступным. Для выросших здѣсь никакой суррогат не замѣнит музыки французскаго языка, преданности ея культурѣ и родного им звучанья французской поэзіи. Недавно премирован сборник французских сонетов молодого поэта по фамиліи Ястребцев. Его творчество не получит иного направленія послѣ статьи Ф. Степуна. Каждому свое. Нам суждены ви́шняя нищета и внутреннее одиночество; быть мѣжет, даже творчество в пустотѣ. Не в одиночествѣ яи-и муках созрѣвали величайшія произведенія искусства?..

Уход в себя, молчаніе — были для великих художников лишь средством, но не цѣлью. Отъединенность, пустота — ближе к распаду и смерти, чѣм к живому творчеству. Расправить крылья и летать можно лишь, опираясь на воздушныя течения. Пустота влечет за собой стремительное паденіе. В основном Ф. А. Степун безусловно прав. Литература и поэзія — запись души. Душа-же не может питаться ви́мъ религіознаго или социальнаго общенія. Мы ушли из Россіи для служенія себя познающему и преображенному русскому народу. Происходит грандіозный процесс обинтеллигентиванія всей Россіи. Мы по-истинѣ посланы, а не бѣжали. История поставила нас в условія исключительныя, требующія героических усилій. Мы должны быть достойны этой задачи. Как еврейскіе пророки в изгнаніи, как поэты польской эмиграціи, мы имѣем миссію, и миссія эта пророческая и героическая. Осознать себя — значит быть покорными историческому предназначенію. Мы выдвинуты на форпосты творить то, что пока еще невозможно дѣлать в Россіи. Здѣсь сказаны горькія слова об эмиграціи. Что может измѣнить в моем сознаніи долга, в моей волѣ к жизни наличіе большого количества прокаженных? И существенны ли здѣсь количественныя критеріи, допустимы ли безнадежныя обобщенія? Жажда преображенія, ощущеніе внутренней связи с тѣми, кто на родинѣ рвет пути и тивется к освобожденію, воля к дѣланію, к созиданію — создадут мощное теченіе, хотя бы начали его только единицы. Развѣ наша эпоха не свидѣтельствует о граничащем с чудом сказочно быстром проростаніи воли в массы, претвореніи мечты в дѣйствительность?..